Общая газ. - 1996. - 16 мая. - с 11.

Служили два товарища в одном и том... лице

Ролан Быков монтирует «Портрет неизвестного солдата»

НАБЛЮДАТЬ Ролана Быкова во время интервью – одно удовольствие. Лицо его непрерывно меняется, как бы проходя через весь спектр огромного числа сыгранных ролей. От лукавого скомороха в «Андрее Рублеве» до самодержавного Хрущева в «Серых волках». От неистового Бармалея и чистосердечного Кота Базилио до вороватого русско-американского жулика из недавнего фильма «Русский паровоз».

Глядя на эти сменяющие друг друга лица и одновременно видя за ними лицо настоящее, неотыгранное, – вдруг ясно ощущаешь, кто перед тобой.

Он давно стал частью тебя самого. Ты и не заметил, как он растворился в тебе – с детства и навсегда. Растворился как загадка, которая не разгадана. Как мучительное несоответствие чего-то с чем-то – лучшая, по сути, формула жизни!

Говорят, что времена меняются и мы меняемся вместе с ними. Ролан Быков утверждает, что времена меняются, а он остается – тем же. Неожиданным знаком нашей общей судьбы.

Ландшафт крутанулся, и мир вокруг стал иным

– Смотрите, там, где раньше была дорога, оказалось болото. Где было поле, стал непроходимый лес. Где росла трава – стала пустыня. А где стояла стена, наоборот – простор и очень даже неплохой пейзажик. Изменились времена, а я остался – тем же. И очень многое в ушедшей жизни мне дорого.

Я и многие мои ближайшие товарищи пережили в той жизни огромные трагедии: ранние смерти, запрещение лучших работ, издевательства, невоплощенные замыслы. Мои лучшие роли в кино около двадцати лет лежали на полке – они бы дали мне совсем другую актерскую судьбу, если бы их увидели вовремя. У меня было запрещено восемь сценариев. Была запрещена Фурцевой моя лучшая несбывшаяся мечта – роль Пушкина во МХАТе...

Хотя обо всем этом уже и говорить неудобно, столько появилось кругом жертв тоталитаризма! Расчесывают комариные укусы, выдавая их за фронтовые раны... Я слышал чудовищные высказывания: «Меня заставляли исключать из партии замечательного человека!» Да зачем же ты, зараза, исключал? «Мне приходилось вырезать из картины!» А почему Тарковский, Климов, Абдрашитов не вырезали?.. Короче, не буду о гонениях, тем более что я актер, на которого был спрос, а стало быть, и полный карман денег...

Было еще другое в том времени, что мне дорого безумно, до слез. Сотни миллионов людей искренне ощущали себя выше денег. Это же единственный такой эксперимент в истории человечества, другого не будет.

Я – довоенный мальчик, я очень хорошо все помню. Я помню время, когда лучший кинотеатр Москвы назывался – 1-й детский. А должен был еще быть – 2-й, 3-й, 4-й... Я скажу, какое здание он занимал, – вы ахнете. Это здание нынешнего Театра эстрады. С огромной игротекой, где мы проводили целые дни, где были затейники, где пели песни, играли в массовые игры, где перед спектаклем играла музыка, показывали мультфильмы.

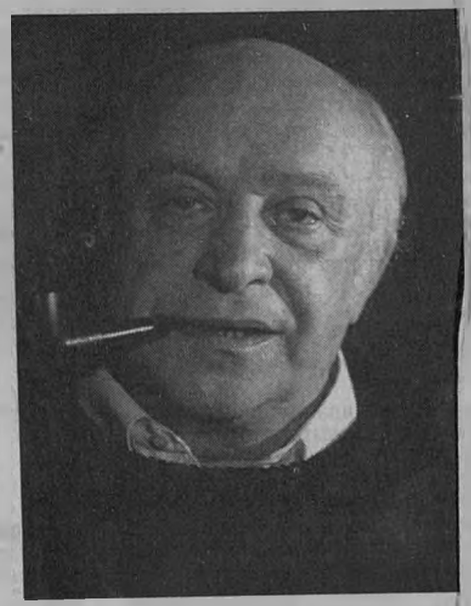
Я мальчик из московской подворотни на Зацепе, ходил заниматься в настоящий дворец – Московский городской Дом пионеров на Стопани, 6. Я помню довоенное время как совершенно уникальное. Я помню, как мы дружили, как между нами не стоял вопрос о национальности. Это был уникальный опыт.

Но я же помню и другое. Помню, как у детей забрали кинотеатры и загнали их в самые бесперспективные помещения. Кто забрал? Московский городской комитет партии. Я видел, как все выродилось.

Этих лиц больше нет

Я сейчас снимаю картину «Портрет неизвестного солдата». Она вся строится на предъявлении фотографий довоенного и военного поколений. Я видел реакцию людей на предварительных показах. Они – плачут. Почему они плачут? А лиц таких больше нет... Это – драма времени, которое кончилось.

Мне сейчас предлагают сыграть замечательную, большую роль – на пару с Леной (женой Еленой Санаевой. – И.Ш.). Это история люмпенизации советского человека. Сейчас и раньше. Ничего ведь нового не произошло. Было брежневское «после нас хоть потоп!», а сейчас потоп наступил. Нравственный ландшафт смыло, выскочил с идиотским хохотом безумный золотой телец, держа в зубах «нового русского». Самое



ужасное, что коммунисты приведут еще более но вых русских. Были «новые русские», а станут «еш более новые русские».

Между третьей и второй. Мировой

Но таких лиц нету и нигде в мире. Я снима свою картину в Америке, Англии, Германии Франции, Монголии, Японии, Китае. Я ехал желанием спорить и опровергать, разоблачать доказывать – а приехал с огромной любовью к всему, что увидел. Но эта моя любовь к ним и ста нет их разоблачением.

Я предъявляю зрителю свою конструкцию Россия сама по себе – это одно. А Россия в чаш мира, в панораме мира – совсем другое. Само сопоставление судеб, представление общей карт военных действий ставит все на свои места. Сам американцы рассказывают, что так бездарно, воевали союзники, никто в мире не воевал. Сейчас я знаю все. И как готовился второй фронт. про Катынь. Сейчас я мучаюсь с одним кадро по французскому городу под немцами ведут лонну пленных американцев и англичан, и французы бьют их по физиономиям. Посольство Франции говорит, что это – подделка, но я же вижу кадр: это правда. Я нашел поразительный материал.

Но есть еще более важная вещь. Я хочу показать, что уже образовалась формула третьей мировой войны. Эта формула – терроризм. Война слабого с сильным. Возникла религия войны – ислам. Если христианство возникло как религия бедных, а стало религией в первую очередь богатых, то ислам – это религия бедных и только бедных. Сегодня ислам имеет успех – как идея. Идет массовый переход в ислам. Основное противостояние в мире Север – Юг уже сложилось.

О несыгранной жизненной роли

Наверное, лучшее, что бы я делал, оставшись сейчас без всего, – это писал бы. У меня есть юношеские записи – о московских базарах, о военной Москве, рисунки, записные книжки, дневники. Я вполне сознательно и мучительно возился с собой лет с тринадцати. Это была и борьба с собой, и работа, и основная мука, начиная с отрочества и юности, вплоть до последних дней. Эта возня с собой определялась тем, что я не нравился себе – почему я такой, а не другой?..

И я понял, что все, что я делал, было попыткой проникнуть в тайну себя и в тайну жизни. Я мечтаю о книге «Гипотезы», куда вошли бы мои разработки в области фольклора, философии детства, культуры, актерства, экологии. Всего семь больших направлений, которые внутренне объединены в одно целое.

О богатстве и легкомыслии

Основные свои поступки я совершал по легкомыслию. Я организовал студенческий театр в Москве, который существует до сих пор, – не спросив на это разрешения. Я решил, что ЦК подумает на МК, МК – на комсомол, комсомол – на профсоюз. Никому не придет в голову, что нет разрешения. Меня спасло легкомыслие «а фиг с ним!» и радость жизни. Мне казалось, что я переживаю: не посылают на фестиваль, не дают звания, не отмечают. Но все это переживание продолжалось минуты полторы. Ну две! Слишком много дел.

Я начал заниматься бизнесом, меня раз обворовали, два, три. Я очень сильно переживал три дня. Потом посмотрел на себя в зеркало, сказал обо всем этом словами, которые не печатаются, и – освободился. Выкинул все из башки. Рассказываю, как о ком-то другом.

Я организовал первый в Москве частный банк, потому что понял, что у меня теперь новый начальник – рубль. А он – психически ненормальный, неизвестно, что выкинет. У меня был администратор, с которым мы делали несколько фильмов, и я вдруг заметил, что он стал ко мне как-то снисходителен. Он создал несколько кооперативов, начал меценатствовать надо мной. И я понял, что скоро я у него буду работать, а не он у меня и тогда мне лучше будет повеситься.

И я решил сохранить независимость, я понял, что ощущение независимости могут дать только деньги. Я вначале очень испугался, потому что на моих глазах деньги ломали очень многих. А потом банк лопнул, и все мои деньги в этом банке пропали. И когда я потерял их раз, и другой, и третий, и четвертый – я понял, что меня лично это уже не касается. Я – обеспеченный человек и заработаю еще, сколько буду жить. Не в них дело.

В детстве, в дворовой компании у меня было амплуа «малышки». Я должен был идти впереди и первым «прикалываться» – и первым же получать по зубам. Во мне есть уверенность легкомыслия. Мне не страшно даже в страшных ситуациях. Казалось бы, если вдруг случится победа коммунистов, я должен потерять Фонд, которому отдано десять лет жизни. Я – бизнесмен в стране, где нет правового обеспечения перехода от «общенародной собственности» к частной. Я – доверенное лицо нынешнего Президента, и в газете уже пишут, что единственная роль, показавшая мое истинное лицо, – это роль предателя полицая Терехова в фильме «Вызываем огонь на себя».

Казалось бы, со мной наверняка расправятся. А я думаю, что – нет. Что такого в любом случае быть не может. Что то, чем я занимаюсь, – нужно. Потому что я – единственный, кто этим занимается. Я много сделал. У меня замечательные планы. У меня ощущение, что мне повезет. Мне иногда жутко везет, хотя и странным образом. Случается несчастье, а потом оказывается, что оно все – к лучшему!

Записал Игорь ШЕВЕЛЕВ